

Л. М. Безносикова, Е. А. Айбабина, Коми эпитетъяслӧн кывчукӧр, Сыктывкар, Коми книжнӧй издательство, 1994, 303 с.

В коми языкознании заметное развитие получила лексикография. В последние годы увидели свет словари антонимов, омонимов, синонимов, а также несколько отраслевых терминологических словарей.

Словарь эпитетов коми языка также является первым опытом в коми лексикографии. Он содержит 221 заголовочное слово, выбор слов — свободный: это названия растений и животных, природных объектов и явлений, построек, предметов быта, частей тела человека, абстрактные понятия и т.д. Подбор эпитетов к заголовочным словам осуществлялся на основе их фиксации в произведениях коми фольклора и художественной литературы, причем предпочтение отдавалось литературе послевоенного периода. Кроме общеязыковых эпитетов, в словарь включены и авторские определения.

Словарная статья открывается заголовочным словом, которое переводится на русский язык. Затем эпитеты подразделяются на семантические рубрики, названия которых приводятся и на русском языке. Например, слово *олӧм* 'жизнь' имеет 68 эпитетов. Они распределены по следующим семантическим рубрикам: 1) слова, характеризующие трудовую, содержательную жизнь, доставляющую радость; 2) слова, характеризующие легкую жизнь, не связанную с трудностями; 3) слова, характеризующие тяжелую, несчастливую, бедную жизнь; 4) слова, характеризующие правильную, скромную жизнь; 5) слова, характеризующие неправильную, беспутную жизнь; 6) слова, характеризующие праздную или малосодержательную жизнь; 7) слова, характеризующие продолжительность, временные периоды жизни. В конце словарной статьи обычно приводятся редко встречающиеся эпитеты.

Наибольшее количество эпитетов имеют слова, связанные с человеком, такие как *чужӧм* 'лицо' (126 эпитетов), *син* 'глаз' (122), *морт* 'человек' (115), *гӧлӧс* 'голос' (91), *ки* 'рука' (78).

Наименьшим числом эпитетов располагают следующие слова: *ытва* 'разлив, половодье', *эскӧм* 'вера' (по 4), *йирмӧг* 'дрожь',

лӧглун 'злоба' (по 5), *радлун* 'радость', *сур* 'пиво' (по 6), *горт* 'дом', *тӧврӧ* 'легкий ветер, ветерок', *чардби* 'молния' (по 7).

Особенно интересно при этом, сколько же эпитетов имеют слова, характеризующие традиционный быт коми и явления, связанные с землей этого народа. Например, *лым* 'снег' имеет 50 эпитетов, но *пуж* 'иней' всего 11, *тола* 'сугроб' — 8, *чарбӧм* 'наст' — 9, *гыбр* 'иней' — 7. Общее название леса — *вӧр* имеет 58 эпитетов, а его разновидности, например, *яг* 'бор' — 41, *рас* 'роша' — 22, *парма* 'лес, тайга' — 21 эпитет. Для коми народа ближе такие понятия, как *шондӧ* 'солнце' (58 эпитетов) и *тӧлысь* 'луна' (44), чем *кодзуа* 'звезда' (27) и *бикамӧшка* 'радуга' (9). Любимая коми баня *пывсян* и отсутствующее у них море *саридз* имеют одинаковое количество эпитетов — по 11.

Словарь отличается высоким уровнем лексикографической обработки материала, он содержит много лингвистических иллюстраций. Однако народная мудрость поистине бесконечна. Можно было бы отдельные статьи словаря (заголовочное слово выделено полужирным шрифтом) пополнить следующими примерами: *кыскасян вӧв* 'рабочая лошадь', *тӧлка зонка* 'толковый мальчик', *тувсов йи* 'весенний лед', *ён кок* 'сильная нога', *поньясян кыв* 'похабное слово', *гӧгрӧс кынӧм* 'круглый живот', *яндысьтӧм морт* 'бессовестный человек', *шкама ныр* 'нос луковкой', *пӧрысь ру* 'старческие причуды', *сьӧлӧм вӧрзӧдана сьыланкыв* 'душещипательная песня', *водз тулыс* 'ранняя весна'.

Несмотря на то что в словаре представлен довольно значительный фактический материал, в нем почти отсутствуют недочеты и опечатки. Укажем на две ошибки, которые скорее всего объяснимы небрежностью: на с. 42 вместо *тӧлысь* 'лунная (ночь)' напечатано *тӧлысья*, которое имеет значение 'месячные, регулы'; на с. 197 в статье *поводдя* 'погода' пропущен эпитет *бур* 'хорошая (погода)', хотя пример на это слово приводится.

Словарь коми эпитетов является весьма информативным лексикографическим трудом, актуальность и надежность кото-

рого не вызывает сомнений. Он послужит ценным пособием для писателей, журналис-

тов, учителей и студентов, а также для всех желающих изучать коми язык.

АДОЛЬФ ТУРКИН (Таллинн)

Таймырский этнолингвистический сборник. Под редакцией Е. А. Хелимского. Выпуск первый. Материалы по нганасанскому шаманству и языку, Москва 1994. 248 с.

Eingangs des Sammelbandes teilt der Redakteur E. Helimski mit, daß das Belegmaterial für dieses Werk im Ergebnis von in den vergangenen Jahren durchgeführten Feldforschungen in den Siedlungen von Ust'-Avam und Voločanka im Gebiet von Dudinka des Autonomen Kreises Tajmyr zusammengekommen ist.*

Der Hauptinformant, der letzte bedeutende nghanassanische Schamane Tubjaku Kosterkin (1921—1989) konnte das Erscheinen dieses Buches nicht mehr miterleben.

Im Zusammenhang mit den Nordsamojeden werden immer wieder Hindernisse hervorgehoben, die beim Bekanntmachen mit ihrer Kultur sowohl durch die geographische Umwelt als auch durch die schwer zugängliche Gemütslage der Kulturträger bestehen. Trotzdem sind die Nghanassanen als die nördlichsten Siedler Eurasiens über einhundert Jahre lang im Blickfeld der Sprachforscher und Ethnographen gewesen.

Sogar vor nicht allzu langer Zeit waren die Nghanassanen fast völlig von der übrigen Welt abgeschnitten. Mit ihren Rentierherden und mit der Jagd beschäftigt, zogen sie auf der Halbinsel Tajmyr umher. Gegen Ende der 1970er Jahre besaßen aber die Nghanassanen keine gezähmten Rentierherden mehr. Nach dem Verlust ihrer Lasttiere wurden sie endgültig in den gezwungenermaßen entstandenen Siedlungen ansässig. Der Wegfall ihrer bisherigen traditionellen Lebensbereiche führte unter den Nghanassanen zu einer zunehmenden Arbeitslosigkeit, zur sozialen Minderwertigkeit und zum massenhaft auftretenden Alkoholismus. Nach der Volkszählung des Jahres 1989 gab es noch 1278 Nghanassanen.

Der Redakteur hebt im Zusammenhang mit den Nghanassanen den Begriff "Sprachliche Kultur" hervor, indem er darauf hinweist, daß dieses Volk immer das Schamanennarrativ, die Fähigkeit Epos und Legenden vorzu-

* An den Feldforschungen nahm von den beiden Unterzeichneten T. O. teil.

tragen und aufzunehmen, sowie eine besondere Beherrschung des Gesangs für bedeutsam gehalten hat. In sprachlicher Hinsicht ist es überraschend puristisch gewesen, indem der Gesprächspartner auf sprachliche Fehler u.a. aufmerksam gemacht wurde. E. Helimski vermutet sogar, daß ein solcher Purismus zum beschleunigten Verschwinden des Nghanassanischen im Umfeld der gegenwärtigen dolgan-nghanassanisch-russischen Mischsprache, wo es nur russischsprachige Kindergärten und Schulen gibt, beigetragen hat. Es ist ziemlich alltäglich, daß Großeltern kein Russisch, ihre Enkel aber kein Nghanassanisch können, so daß eine Verständigung nur mit Hilfe der mittleren Generation — der Eltern — möglich ist. Die von der ältesten Generation bewahrte Sprache ist aber somit lexikalisch und stilistisch gesehen sehr reichhaltig.

Das im Sammelband wiedergegebene Belegmaterial wird in der sog. praktischen kyrillischen Orthographie vorgebracht, für die N. Tereščenko die Grundlagen schuf und die den auf der russischen Schriftsprache basierenden Schreib- und Lesegewohnheiten der Nghanassanen angepaßt wurde. Obendrein ist bei der Erarbeitung der Orthographie berücksichtigt worden, daß sie eindeutig auf die phonologische Transkription zurückführbar wäre. Die Unterzeichneten nehmen an, daß es sich hierbei um ein ernstzunehmendes Projekt für eine Schreibweise der nghanassanischen Schriftsprache handeln könnte, falls wirklich einmal die Notwendigkeit dafür aufkommen würde.

N. Kosterkina und E. Helimski charakterisieren die Schamanentexte auch aus grammatischer Sicht. Es ist interessant, daß in den Schamanenliedern aus acht Moren bestehende oder auch etwas kürzere Formen gebraucht werden, dagegen sind solche komplizierten Formen in der Alltagssprache, besonders bei Verben, selten oder fehlen völlig. Es gibt solche, an denen sich die Suffixe geradezu häufen, vor allem die auf den Modus des Verbs